

Ресурсы любви: пополнение

15 мая 2013 | Ольга Штраус

**12 мая кемеровскому писателю
Владимиру Мазаеву исполнилось
80 лет**

Интонация совести

Если бы среди наград нашего региона существовал орден «Совесть Кузбасса», Владимир Михайлович Мазаев – первый, кто имел бы право на такую награду.

Писателей на Руси вообще принято считать совестью нации, но с Мазаевым – случай особый. Я уже как-то писала о том, что главная его черта – удивительная искренность. Он никогда не врет. Не в бытовом, житейском смысле (об этом не знаю), а в смысле писательской интонации. В его книгах вы не встретите ни на полградуса

завышенного пафоса или нарочитой «трогательности». А ведь верная интонация для писателя – это как для музыканта абсолютный слух. Так вот, у Владимира Мазаева

АБСОЛЮТНЫЙ нравственный слух.

Видимо, именно поэтому многие литераторы, люди по природе своей желчные и склочные, до сих пор видят в нем морального арбитра.

Он родился в 1933 году на Алтае. Окончил филфак Новокузнецкого пединститута, а уже в 1953 году был опубликован первый его рассказ. Хотя путь в литературу Владимир Мазаев начинал как журналист: был корреспондентом молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса». В 1966-м вступил в Союз писателей, потом несколько лет возглавлял Кемеровское книжное издательство, был председателем отделения Союза писателей...

Но все эти вехи судьбы (у него вышло более двадцати книг, он – лауреат нескольких литературных премий, его рассказы переведены на немецкий, чешский, словацкий, болгарский, венгерский языки) мало что добавляют к подлинному портрету Владимира Михайловича.

Его «Рассказы сибирячки» — триптих, написанный от лица простой бабы, дождавшейся мужа с войны, поднявшей в голодные годы детей и сумевшей сохранить горячее чувство к своему единственному, – наверное, самая точная правда о Великой Отечественной, которую выиграли не дивизии и танки, а вот такие русские бабы.

Помню, как чета народных артистов России Лидия Цуканова-Евгений Шокин играла в спектакле Натальи Шимкевич, поставленном по этой прозе. Казалось бы, «датский» спектакль, сделанный к юбилею Победы на сцене малого зала филармонии... Но получился он такой силы и крепости, что его перенесли на подмостки Кемеровского драматического театра (исключительный случай!) и надолго прописали в репертуар. И в этом, думается, «вина» не только талантливых артистов, но и необыкновенной прозы Владимира Мазаева.

Сам человек необычайной скромности (он даже о своем писательском труде не может сказать «работаю», «работа» для него что-то более физически напряженное, свои литературные занятия он называет проще: «пишу и зачеркиваю»), Мазаев часто выбирал в свои герои людей экстремальных профессий: геологов, нефтяников, первопроходцев. Однажды я поинтересовалась: почему? Ответил что-то вроде: характеры выпуклее, выразительнее. Но на самом деле, думаю, тут сказалось традиционное интеллигентское отношение к «настоящей жизни». Умственные занятия, которым всю жизнь предается Владимир Михайлович, кажутся ему чересчур «легкими» по сравнению с трудной жизнью простого народа. Это исконное чувство некой собственной «вины» перед народом, эта готовность взять на себя ответственность за все несовершенства мира и делают его столь чутким к любой несправедливости, столь отзывчивым и ранимым.

Навсегда запомню эпизод из детства Владимира Мазаева, о котором он рассказал мне в одном из интервью. 1937 год. За его отцом, директором школы в селе Куртуково, пришли чекисты. Обыск, разворошенный чужими руками родной быт... А в сених дома, где жила семья, мешок с елочными игрушками, купленными отцом для школьной елки. И чужие сапоги топчут это хрупкое стекло, а обломки игрушек сверкают и хрустят под ногами... Кстати, Мазаев ушел из газеты, когда понял, что писать о людях, живущих в ссыльных поселениях, о непростых историях реальных, а не плакатных кузбассовцев, ему гораздо интереснее, чем о правоверных «героях труда».

Объяснение и отклик

Между прочим, сегодня я считаю, что чрезмерная скромность Мазаева, его всегдашняя рефлексия, неуверенность в себе сильно помешали ему в собственной карьере. По уровню дарования он ничуть не ниже Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Юрия Казакова. И только природная интеллигентность, вечная привычка сомневаться, сравнивать не в свою пользу помешали ему перейти в иной ранг: из местнотимых писателей – в писатели с общероссийской славой.

К слову сказать, Казакова и Астафьева сегодня редко кто перечитывает. С текстами Владимира Мазаева все не так. Недавно ко мне в редакцию заглянула библиотечка из Белова Елена Мочалова. Между прочим рассказала о том, что не так давно в ее городе с помощью учителей-словесников она провела Мазаевские чтения. Старшеклассники читали один из самых пронзительных рассказов Владимира Мазаева «Без любви прожить можно» и писали отклики на него. Я прочитала эти подростковые сочинения. Без всяких скидок на «обязательность отклика» видно: рассказ зацепил молодежь за живое. А ведь рассказ-то, на самом деле, обыденный.

Название – строка из частушки: «Заиграла гармоза, а я думала – гроза. Без любви прожить можно, а я думала – нельзя». Ее поет своему пятилетнему сыну мать-алкоголичка. Гнусный быт рабочего предместья. Ребенок, не видящий ласки и любви, пробавляется подаянием: протягивает ручонки сквозь забор двора, вместо благодарности осыпает дающих ругательствами. Беспутная мать готова за бутылку выгнать малыша куда угодно, хоть в собачью будку. И пес, который вместо благодарности получает от малыша те же тумаки, какими награждает его мать...

И вот детские отзывы о рассказе:

«...Я таких чувств не испытывал никогда. Уже само название говорит о жестокости нашего мира, о примирении с болью...»

«В этой истории всех жалко. Но неужели мы не умеем жить по-другому?»

«К сожалению, очень жизненная история, все так и есть, веришь каждому слову. Неужели писатель и правда ничего тут не придумал?»

«Нельзя, нельзя без любви прожить! Но как это объяснить людям?»

Владимир Мазаев умеет «объяснять».

Игра без наигранности

Между прочим, его трепетность и нежность, его внимание к тонким чувствам (перечитайте, к примеру, рассказ «Без слезы. По-христански», в котором литературоведческие размышления о кузнецком периоде жизни Достоевского соседствуют с автобиографическими подробностями собственного детства) отнюдь не отменяют его замечательного чувства юмора.

Мазаевский юмор – особого толка, я бы назвала его филологическим. Он хорошо чувствует живую природу языка, порой как истый фольклорист щеголевато играет им, упиваясь перлами просторечия. Есть у него сборник крошечных баек «Потеснись, завалинка!», перечитывая которые нельзя не улыбнуться. «Аппетит у меня на нее превстоял, я те дам!.. Думаю, хоть я и не семи пятен во лбу, но не лох же последний». Или: «У нее еще слезки обидные не просохли, а он, змей, прильнул к ней, да как жук зауржал, зауржал над ухом... Ах, ты, думаю, ешь твою семь копеек!». Или: «Че токо я не пила: мать-и-мачеху пила, молоко с салом пила, карасин пила. Ниче эту заразу не берет! Пошли они к чертям собачьим, эти ученые, надо их всех истребить».

...Знаю, что в эти дни в Кемеровском отделении Союза писателей состоится чествование юбиляра. В библиотеках открываются выставки книг Владимира Мазаева, проходят читательские конференции... Справедливо. Правильно. Хорошо. Владимир Мазаев – писатель, чьи книги пополняют ресурсы любви в мире. А это важнее любой «нефтянки».

Ольга ШТРАУС.